

цивилизации»¹, мнение которого приводит и сама Баумгертель. Против мнимого сходства расписной керамики древнейшего Египта с керамикой Передней Азии категорически выступают и Юнкер и Холл².

Столь же неубедительны и дополнительные аргументы, приводимые Баумгертель. Так, например, она усматривает «азиатское влияние» в том, что первоначально египтяне изображали воду вертикальными зигзагами и лишь позже стали изображать ее зигзагами горизонтальными (стр. 60—72), но, разумеется, это не является доказательством, так как во всех иероглифических системах, в том числе и в китайской, вода изображается различными зигзагами. Еще менее убедительны приводимые в ее книге параллельные изображения росписей сосудов из Негады, Джемдет-Наср, Суз и Персеполья: в лучшем случае они могут свидетельствовать только о самом общем сходстве, обусловленном одинаковым общественно-экономическим и культурным уровнем. Примеры подобного же сходства можно найти с равным успехом и при сравнении египетских или месопотамских сосудов с керамикой первобытных народов других стран, например, Сибири³.

Столь же бездоказательно и другое утверждение автора, что культура Негады I находилась под влиянием Ирана, а Негады II — под влиянием народа, создавшего культуру Джемдет-Наср.

Таким образом, попытка автора возродить гипотезу об азиатском происхождении египтян лишена сколько бы то ни было серьезного значения. Автор совершенно не задумывается над тем, каким же образом возникают новые культурные достижения, если все их считать привнесенными извне. Откуда, например, эти фантастические предки египтян и шумеров на Иранском плоскогории заимствовали свою технику обработки кремня и металлов, скотоводство, технику росписи сосудов? Все эти вопросы автором даже не ставятся.

Методологическая несостоятельность этой типичной для современной буржуазной науки книги сказывается и в отдельных частных положениях автора. Не признавая принципиального отличия первобытного общества от общества классового, автор, например, считает, что «город», открытый в Негаде, был столицей Египта уже в период неолита (!) (стр. 1), и постулирует существование в Верхнем Египте монархического государства уже в период Негады I (стр. 44). Модернизаторские тенденции автора сказываются и в преувеличении объема и значения торговли в первобытном Египте «Мы едва ли можем сомневаться в том, что кремневые орудия Негады II продавались по всему Египту...» (стр. 17).

Оценивая книгу Баумгертель в целом, следует сказать, что методологическое бессилие автора делает бесполезным весь ее кропотливый труд.

Н. М. Постовская

Н. VAN EFFENTERRE, La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948, 337 стр.

После второй мировой войны с особенной четкостью проявляется регресс буржуазной науки, отражающей общий кризис капиталистической системы. Изучение истории античных рабовладельческих обществ находится сейчас на более низком уровне, чем 30—40 лет назад. Буржуазные ученые начала XX столетия, несмотря на то, что они стояли на реакционных позициях циклизма, все же неоднократно выдвигали проблемы социальной истории, указывали на наличие острых про-

¹ «Antiquity», № 15 (1941), стр. 166.

² Н. Н а l l, The Ancient History of the Near East, изд. 8-е, 1932, стр. 91.

³ См. С. В. К и с е л е в, Древняя история южной Сибири, М., 1949, табл. VIII, рис. 6—16 и табл. X, рис. 6—12.

тиворечий внутри рабовладельческого общества, хотя сам характер этих противоречий они определяли неверно. Современные буржуазные историки вообще отказываются от каких-либо обобщений и становятся на путь изучения отдельных фактов, что приводит к значительному снижению качества научной продукции.

Рецензируемая работа написана профессором гуманитарного факультета в г. Кане (Франция), уже около 10 лет выступающим со статьями на страницах специальных журналов, и была представлена им в качестве докторской диссертации в Парижский университет. Можно было бы ожидать, что автор справится со стоящей перед ним задачей — осветить историю взаимоотношений Крита и остальной Эллады в IV—II вв. до н. э.

История Крита в классическую и эллинистическую эпохи представляет значительный интерес, а исследована она далеко недостаточно. Крит сохранял многие пережитки в социальном и политическом строе, особенно выявившиеся в эллинистическую эпоху. В этом заключается своеобразие Крита. Исследовать причины замедленного развития критских рабовладельческих полисов, показать все своеобразие социального строя острова, населенного многими племенами, выявить картину экономического, политического и культурного развития Крита — все эти задачи должны стоять в центре внимания ученого, занимающегося Критом. Недавно вышедшие *Inscriptiones Creticae* предоставляют новые сведения историкам, пополняя известия древних писателей о Крите.

Рецензируемая работа с самого начала разочаровывает читателя. Автор ставит своей задачей разрешить проблему противоречия между положительной характеристикой Крита, содержащейся в «Законах» Платона, и отрицательным отзывом Полибия о критских полисах. Нам представляется, что этому вопросу можно было бы посвятить журнальную статью, не превращая его в «проблему», излагаемую более чем на 300 страницах текста. Надуманная постановка вопроса определяет весь характер книги. Работа, особенно в первой части («Открытие Крита») носит скорее источниковедческий характер, но метод использования источников оставляет желать много лучшего. Обычно, прежде чем использовать источник, исследователь анализирует его, определяет социальные и политические позиции древнего автора и строит на этом свои выводы. Автор рецензируемой работы поступает наоборот. Эффантерр находит возможным, например, использовать данные Полибия для истории Крита в эллинистический период без предварительного их анализа. Указывая на «несправедливое» суждение Полибия, автор объясняет его только в последней части книги («Репутация критян») на стр. 308—312. Во всем предшествующем изложении позиция древнего историка остается загадкой. Подобный метод совершенно недопустим в научном исследовании. Повидимому, сам автор не составил себе ясного представления об используемом им источнике, так как на стр. 309 он предлагает «даже не гипотезу, а скорее впечатление» об отношении Полибия к Криту.

Столь же поверхностно используются в разбираемой книге и другие античные авторы. Утверждая неоднократно, что Платон хорошо знает Крит и что описание критских установлений в «Законах» отвечает полностью критской действительности того времени (стр. 45—74), автор даже не пытается обрисовать историю острова того времени. Говоря о связях Крита и остальной Греции в V в. только на основании упоминаний Платона, Эффантерр почти не использует надписей, освещающих этот раздел истории Крита. Весьма характерно, что очень важный для основной темы работы — связи Крита с Грецией — знаменитый декрет о союзе между Кноссом и Тилиссом при посредничестве Аргоса (середина V в.) используется автором совершенно недостаточно (стр. 29 сл.). Упомянув о нем в параграфе «Мятежи и междоусобные войны», автор не видит многочисленных указаний этого текста на близкие связи Аргоса с крупнейшими критскими центрами. Можно только удивляться подобному невниманию историка, изучающего Крит.

Неумение автора всесторонне использовать новые эпиграфические данные проявляется неоднократно. Упомянув о надписи из Милета, сообщающей о переселении большого количества критян в Милет в 228—222 гг. до н. э., Эффантерр не пользуется

ею для освещения этапов социальной борьбы на Крите. В иных случаях его толкование источников вызывает прямое недоумение. Например (стр. 165), он заявляет, что формула *kuría ékklhσία* подтверждает верховную власть народного собрания, что якобы является одной из характерных черт демократического строя. Подобное толкование указывает на незнание автором основных процедурных установлений греческих полисов, так как данный термин применялся к народному собранию тогда, когда в нем председательствовала первая притания.

В общих суждениях Эффантерра повторяются обычные теории буржуазной науки. Он рассматривает исторический процесс как медленную эволюцию. Социальная борьба на Крите представляется ему в виде борьбы отдельных личностей из правящих слоев; те группы, которые управляли критскими полисами, он рассматривает как «партии порядка» на Крите.

По мнению автора, устойчивость государственного строя зависела от мудрости правящих классов в критских полисах, более или менее энергично боровшихся с отдельными честолюбцами, посягавшими на существующий порядок. Иногда (стр. 103) автор пишет об имущественном неравенстве как причине движений на Крите, но чаще он видит во внутренней борьбе проявление «греческого партикуляризма».

Большое разочарование постигает читателя, интересующегося положением зависимого населения на Крите. Этого вопроса автор только касается, аккуратно перечисляя (стр. 91 сл.) наименования различных категорий несвободного населения и бегло намечая основные отличия социального положения этих слоев. Упомянул Эффантерр о них только потому, что Аристотель пишет о критских перийоках; позднее, в разделе «Эллинистический Крит», автор даже не вспоминает о них. Такое отношение к зависимому населению Крита определено общей позицией автора, отрицающего участие угнетенных слоев в социальных движениях на Крите. По его мнению, зависимое население никогда не имело «революционных настроений» (стр. 113). Подобные суждения отражают одну из главных тенденций буржуазной историографии — уменьшить и свести на-нет социальную борьбу в древности.

К общим методологическим недостаткам автора присоединяется неполноценность его как историка. Рецензируемую книгу нельзя охарактеризовать даже как труд, хотя и неприемлемый по общим установкам, но ценный собранными в нем материалами. Неумение автора понять сведения, имеющиеся в его распоряжении, мешает ему иногда изложить последовательно весь ход исторического процесса. Так, например, рассмотрение интереснейшего периода в истории эллинистического Крита — борьбы между полисами, сторонниками Ахейского и Этолийского союзов, в 220-х гг. до н. э. — превращено у него в мелочное изложение фактов почти без установления их взаимной связи и зависимости. Вывод автора о том, что борьба критских полисов в III—II вв. была борьбой кносского империализма с гортинским федерализмом, еще раз показывает непонимание исторического развития острова в эллинистическую эпоху.

Совершенно неприемлемыми представляются нам попытки автора оправдать и обелить критян и там, где он говорит о критских наемниках, и в специальном разделе «Репутация критян» (стр. 275—312). Эти положения свидетельствуют о неисторическом подходе автора к взятой им теме.

Автор прочел много книг, иногда полемизирует с такими крупными представителями буржуазной науки, как Виламовиц-Меллендорф, [оспаривает ряд отдельных неверных утверждений предшествовавших исследователей, но все это делается весьма легковесно, так что мы не можем даже сказать: *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*. Выписывая многочисленные и длинные цитаты из трудов своих предшественников, Эффантерр очень часто не решается сделать из них хотя бы частичные выводы.

Рассмотренную книгу можно определить как типичное для современной буржуазной науки фактологическое сочинение. Это не историческое исследование о связях Крита и Греции в V—II вв., а поверхностные рассуждения о Крите.

Г. В. Блаватская